

УДК 784.4:39:159.925

DOI: 10.17223/22220836/43/17

И.М. Нуриева

ЖЕСТ В ПЕСЕННОЙ КУЛЬТУРЕ УДМУРТОВ: ФУНКЦИИ И СЕМАНТИКА

Рассматривается малоизученная в этномузыковедении проблема поведенческих стереотипов певцов – участников ритуального действия. Пространственное поведение исполнителей во время проведения обряда, общепринятые при пении позы и жесты как невербальный язык культуры исследуются на материале удмуртской обрядовой песенной традиции. Обосновывается вывод о воздействии природного ландшафта на формирование этнической психологии. Сравниваются особенности поведения носителей традиции при речевом общении и в песенной ритуальной коммуникации.

Ключевые слова: удмуртская песенная традиция, невербальный язык культуры, пространственное поведение, жест.

В современном этномузыковедении проблемы невербального поведения певцов пока остаются в тени науки. Между тем пространственное поведение поющих участников обрядового действия, общепринятые при этом позы, используемые жесты являются языком культуры, не менее информативным, чем музыкально-вербальный язык, но при этом более эмоциональным, выразительным и доступным. Как любой другой язык традиционной культуры, язык тела формируется во взаимодействии и коммуникации членов общины во время пения; он также внутренне семиотичен, образуя систему знаков, которые могут дублировать знаки других языков.

Жест как язык тела обычно ассоциируется с движением руки, ладони, головы, плеч, ног. В настоящем исследовании мы оперируем более широким значением слова, восходящим к его первоисточнику. Как известно, слово «жест» происходит от латинского *gestura* – поведение [1]. Поведенческие стереотипы, формы и способы невербального взаимодействия певцов в особой ритуальной обстановке – это те вопросы, которые нас заинтересовали. Материалом для исследования невербального языка культуры послужила удмуртская песенная традиция.

Поведенческую, как и языковую, религиозную, звуковую картину мира финно-угров во многом определяет лесной ландшафт. Предки финно-угров на протяжении тысячелетий занимали обширную территорию лесной полосы Восточной Европы. В известном палеолингвистическом исследовании венгерский ученый П. Хайду приводит несколько названий таежных деревьев, являющихся общими в уральских и финно-угорском праязыках: ель, сибирский кедр, пихта, лиственница и вяз [2. С. 156]. В числе главных лесообразующих пород выступает ель – дерево, наделенное особым статусом в религиозно-мифологической картине мира удмуртов. Исследователи XIX в., посетившие Прикамье, очень ярко обрисовывали местную природу: «Путешественник будет на протяжении целых десятков верст видеть одну и ту же картину (речь идет о дороге из Вятки в Глазов. – И.Н.) – уходящую до горизонта чуть-чуть волнистую, покрытую лесами низменность... Кар-

тина страны дорисовывается, когда путник вступает в глубь этих темных лесов. Местность понижается: боры с песчаной почвой чередуются ельниками и раменью, которые вырастают как будто прямо из болот» [3. С. 80–81].

Окружающая природа, несомненно, являлась одним из факторов формирования этнической психологии. Как отмечает Л. Гумилев, «ландшафтная среда заставляет людей вырабатывать комплексы адаптивных навыков – этнические стереотипы поведения» [4]. Связь между природно-географической средой и «психическим складом» удмуртов наблюдали ученые-этнографы еще в конце XIX в. Автор монографии «Вотяки» И.Н. Смирнов отмечал: «Две черты представляют собой несомненный результат влияния окружающей обстановки – сдержанность в проявлении впечатлений, которая ведет за собой молчаливость, и безграничная способность терпеть – “покорность судьбе без конца”. Молчат угрюмые леса, окружающие со всех сторон вотяка, молчит и он, заражаясь состоянием среды» [3. С. 85]. Те же черты характера удмуртов отмечает Г.Е. Верещагин: «Выдающиеся черты в их характере – необыкновенная робость, сдержанность и скрытность в выражении своих чувств... Весел он или грустен, богат или беден или имеет какое-либо предприятие – не узнаешь, он все молчит, не хвастается и на судьбу не жалуется; спроси его, и он скажет: “Терпеть надо!”» [5. С. 22].

Современные поведенческие стереотипы удмуртов изучают ученые разных направлений: лингвисты, этнологи, историки [6–12]. В своих работах авторы единодушно отмечают сдержанность, скромность, застенчивость, немногословие, некоторую скрытность удмуртов (с точки зрения представителей русскоязычной среды), что «создает впечатление неуверенности, скованности, неэмоциональности» [13. С. 180]. В речевой коммуникации, например, существует негласное правило не выражать громко и открыто своих эмоций: «Говори меньше о себе и своих близких, избегай публичного выражения своих чувств и эмоций» [13. С. 180]; не принято активно жестикулировать, громко разговаривать. Выводы ученых дают основание утверждать, что удмуртская коммуникативная культура относится к низкокинесичной.

На первый взгляд, этномузыковеды могли бы солидаризоваться с наблюдениями других ученых. Действительно, при записи фольклористы отмечают скованность движений певцов, невыразительность мимики лица. Однако необходимо учитывать немаловажный фактор искусственных условий фиксации материала. Записывая певцов в непривычной для них обстановке, собиратели автоматически воздвигают культурный барьер, что неминуемо отражается не только на поведенческих стереотипах поющих, но и на музыкальной стилистике исполняемого «артефакта»: темпе, высотности, а главное – тембре.

Многолетние наблюдения, сделанные нами в естественной для исполнителя ситуации, показали эмоциональную реакцию певцов. Во время обрядового застолья, например, гости могут поднять руку с рюмкой и махать ею в такт мелодии. Большой экспрессией отличается исполнение свадебных песен бавлинских удмуртов: певцы свободно раскачиваются, иногда могут притопнуть ногой. Громким рыданием может неожиданно прерваться импровизируемый североудмуртский *крёзь*.

Стереотипы о скромности и робости удмуртов рушатся при анализе удмуртских ритуалов, в которых доминирует идея оплодотворения во имя продления

рода или будущего урожая. Многие поведенческие запреты не только снимаются, более того, непристойные жесты, неприличное в обыденной ситуации поведение становятся необходимым условием проведения ритуалов. Интересно проследить, каким образом кинесика «разъясняет» смысл обрядового поведения.

На празднике в честь рождения ребенка *нуны сюан*, например, пляшущих женщин недвусмысленно поддевали черенками печных лопат, комментируя происходящее действие непристойными песнями. Во время пляски участники обряда отбивали ритм громкими ударами железных предметов (ножом, ложкой) о печную заслонку [14. С. 15].

Шумное поведение характеризует и участников календарного обряда осеннего ряженья *Пёртмаськон*, посвященное собранному урожаю: исполняя приуроченный к празднику напев *Пукро гур*, певцы сильно топают ногами, бьют по сковороде или по кастрюле кухонным ножом [15. С. 15]. Семантика происходящего бесчинства раскрывается в песенных текстах, которые содержат неприкрытые намеки или откровенные эротические символы:

Пукро гур. Напев осеннего ряженья

*Усьты но усьты, пасё тукуле.
Усьты но усьты, ныдо кудое.
Кияр пукылё сиеме потэ.
Кубыста п...зда сиеме потэ.
Губи но няпа сиеме потэ.
Выж вылэ выд али, выж пасьта каром.
Огпол ке донги, събд сюлмад вутто.
Открывай же, открывай, сватья с дыркой.
Открывай же, открывай, сват с черенком...
Обрубок огурца поест хочется.
Капустную п...зду поест хочется.
Грибную да ножку поест хочется...
На пол ложись-ка, шириной в половицу сделаем.
Только раз втолкну, пресытишься*

[15. С. 87, 93, 102–103].

Во время свадебного обряда неподобающее поведение маркирует поезжан со стороны невесты (*бёрысьёс*). В отличие от степенного поведения родни жениха родственники невесты ведут себя вызывающе: стараются больше шуметь, громко петь, прыгать и топать. Свои песни они поют, встав на лавки или стулья, бьют в бубны, заслонки, звенят колокольчиками. В текстах песен угрожают проломить пол, призывают быть «бойкими-бойкими, стойкими-стойкими» [16. С. 18].

Подобное гиперболизированное поведение, или ритуальное антиповедение певцов, продиктованное идеей продуцирующей магии, дублируется в музыкально-поэтических текстах, в звуковом, предметном коде и т.д. Однако та же идея может воплощаться в языке тела и по-другому. Весной во время всходов хлебов южные удмурты проводят обряды, которые, по их представлениям, должны «помочь» росту урожая. Завятские удмурты водят на лугах медленные хороводы-

шествия, выстраиваясь шеренгами, попеременно идущими друга на друга [17. С. 10]. Бавлинские удмурты в это время собираются на вершинах холмов: приуроченный весенний напев *Айкай* они поют, встав в полукруг и раскачиваясь из стороны в сторону [18. С. 10–12]. В обеих традициях принято качаться на специально построенных к этому времени высоких ритуальных качелях. Ключевым моментом пространственного поведения поющих участников этих обрядов является движение из стороны в сторону как символ роста злаковых культур.

Еще один обрядовый жест, которые мы бы назвали жестом благодарности и прощания, – преклонение колен. Эта поза, сопровождающая обрядовое пение, еще не привлекала внимание современных ученых. Между тем этнографическая литература изобилует описаниями подобных сцен. Во время свадьбы, например, поезжане со стороны жениха свадебным напевом благодарят отца невесты. Во время пения они подносят свату стакан водки, становясь перед ним на колени [19. С. 134]. В другой локальной традиции жених с невестой также на коленях благодарят родню невесты, поднося каждому гостю стакан с кумышкой и получая взамен деньги [16. С. 16]. Ритуальное колено-преклонение на Троицком молении завьяловских удмуртов описывает Г.Е. Верещагин: «Когда будет съедена последняя жертва (утка), кости всех животных, принесенных в жертву, кладут в лукошко; на кости стелят белый холщовый лоскуток, и на этот лоскуток жрец кладет какую-нибудь медную монету (очень редко серебряную), и лукошко с костями принесенных в жертву животных несут трое в глубь леса примерно на пятьдесят сажен от места жертвоприношения с песнями: Кий... яй... дыр... кари... юк... кая... юк. Лукошко это с костями оставляется в лесу повешенным на суку ели <...> Когда эти последние возвращаются, трое мужиков идут к ним навстречу с такими же песнями, останавливаясь на каждой сажени до трех раз и падая на колени (выделено мной. – И.Н.). Встретившись с унесшими кости, идущие к ним навстречу спрашивают:

– Ну, как провожали?

– Хорошо, – отвечают те.

– Что сказали?

– Говорили, что будем жить хорошо» [20. С. 95–96].

Этот «тихий» жест несет в себе и другой смысл: соединения и примирения разных общин-родов и единения с высшими силами.

Выраженная коммуникативная функция прочитывается и в жесте рукопожатия, который встречается в обрядах гостевания. Этот жест сопровождает пение приуроченного к празднику напева: один из гостей, завершая пение строфы песни, поднимается со своего места и пожимает одной или двумя руками руку вставшего при этом гостя. Рукопожатие, используемое в современной культуре при знакомстве или встрече/прощании знакомых людей, в обрядовом контексте наполняется новым смыслом: как знак единения членов одного рода-общины, участвующих в совместном торжественном событии (свадьбе, календарных обрядах и пр.). Характерно, что в текстах песен, исполняемых на обрядовом застолье, превалируют мотивы единения общины:

Акашка гур. Напев весеннего обряда Акашка

*Осто но Иньмаре, Бадзым Иньмаре.
 Ар чоже возьмаы туннэ ныналэз.
 Арлы огпол огазе бöлякъясын люкаським.
 Мар пыжемын-пöзьтэмын, ваньмыз ик ти понна.
 Сиелэ-юэлэ, ой, бöлякъясы.
 Господи да Боже, Великий Боже.
 Целый год ждали сегодняшний день.
 В год раз вместе всем родом собрались.
 Что нажарено-напарено, все ведь для вас.
 Угощайтесь, ой, наши родные [15. С. 40].*

Сюан сям. Свадебный напев

*Ойдо кырзалом-гурлалом, ай гай,
 Кельшоз медам куйосмы, ай гай?
 Малы уз кельшы куйёсмы, ай гай,
 Ваньмыз но асьме команда, ай гай.
 Давайте споем-пропоем, ай гай,
 Сольются ли наши мелодии, ай гай?
 Почему бы не слиться нашим мелодиям, ай гай.
 Если все мы – одна родня, ай гай [17. С. 147].*

Куно сектан гур. Гостевой напев

*Сиеммы бон дуно шат, юэммы дуно шат?
 Дуно асьмен тазы валче, ой, улэммы.
 Разве дорога наша еда, разве дороги наши напитки?
 Дорога наша совместная жизнь [14. С. 178].*

Некоторые жесты певцов призваны усилить выразительность музыкального ритма. Например, акцент на первой доле в южноудмуртских свадебных песнях, основанный на ритмической формуле 11122, подчеркивается попеременным при-
 топом левой и правой ноги. Этот же ритм в песнях осеннего ряженья обыгрывается громкими ударами железных предметов о печную заслонку.

Довольно редкий жест, направленный на создание специального звукового эффекта, был зафиксирован нами в весеннем обряде *семьк*. Его участники – молодые девушки – выходят на открытые пространства (обычно на луга около деревни). Встав на возвышенности, они начинают петь специальный весенний напев, прикладывая в такт мелодии ладонь правой руки ко рту. На открытом пространстве чередование звонкого и приглушенного пения по своему эффекту напоминает эхо. Использование условий природного ландшафта и специальных жестов, направленных на создание особого акустического эффекта или для усиления звучности, известны и в других этнических традициях: пение на воде карельских йойк, пение в окно через лопату у вепсов и др.

Таким образом, даже этот далеко неполный обзор показывает различные функции жестов, используемых во время пения. Как показал анализ, песенная

ритуальная коммуникация удмуртов в отличие от речевого обыденного общения характеризуется более высоким уровнем эмоциональности, что отражается в языке тела. Ритуальная обстановка не только позволяет, но даже требует совершения специальных движений и жестов, которые вкупе с другими кодами обрядового действия составляют свою знаковую систему.

Литература

1. *Русско-латинский словарь*. URL: <http://glossary-of-terms.ru/?do=t&v=180348> (дата обращения: 29.04.2019).
2. Хайду П. Уральские языки и народы. М. : Прогресс, 1985. 432 с.
3. Смирнов И.Н. Вотяки: Историко-этнографический очерк. Казань : Типография Императорского университета, 1890. 354 с.
4. Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии. URL: <http://www.kulichki.com/~gumilev/articles/Article05.htm/> (дата обращения: 15.03.2011).
5. Верецагин Г.Е. Вотяки Сосновского края. Ижевск : Удмурт. ин-т истории, языка и литературы УрО РАН, 1995. 260 с. (Памятники культуры).
6. Традиционное поведение и общение удмуртов : сб. статей. Ижевск : Удмурт. ин-т истории, языка и литературы УрО РАН, 1992. 192 с.
7. Об этнической психологии удмуртов : сб. статей. Ижевск : Удмурт. ин-т истории, языка и литературы УрО РАН, 1998. 143 с.
8. Шкляев Г.К. Очерки этнической психологии удмуртов. Ижевск : Удмурт. ин-т истории, языка и литературы УрО РАН, 2003. 300 с.
9. Нуриева И.М. Обрядовое пение удмуртов: жест и тембр // Инструментальная музыка в межкультурном пространстве: проблемы артикуляции. СПб. : Астерион, 2008. С. 201–204.
10. Душенкова Т.Р. Вербальные стереотипы поведения и коммуникации удмуртов: *каллен и марым* // Пермистика – 14: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками. Кудымкар, 2012. С. 28–33.
11. Душенкова Т.Р. Понятия *скрытность, замкнутость, подозрительность* в удмуртском характере // Традиционная культура народов Поволжья. Казань : Ихлас, 2015. С. 223–229.
12. Душенкова Т.Р. Понятие *керптон* как регулятор поведения удмуртов (лингвокультурологический анализ) // Актуальные проблемы удмуртоведения в контексте компаративистики, контактологии и типологии языков : сб. статей. Ижевск : Удмурт. ун-т, 2014. С. 217–223.
13. Поздеева И.П., Трофимова Е.Я., Троянов В.И. Национально-культурная специфика постулатов речевого общения удмуртов // Традиционное поведение и общение удмуртов. Ижевск : Удмурт. ин-т истории, языка и литературы УрО РАН, 1992. С. 171–182.
14. Бойкова Е.Б., Владыкина Т.Г. Песни южных удмуртов. Ижевск : Удмурт. ин-т истории, языка и литературы УрО РАН, 1992. Вып 1. 192 с. (Удмуртский фольклор).
15. Чуракова Р.А. Песни южных удмуртов. Ижевск : Удмурт. ин-т истории, языка и литературы УрО РАН, 1999. Вып. 2. 160 с. (Удмуртский фольклор).
16. Чуракова Р.А. Удмуртские свадебные песни. Устинов : Удмуртия, 1986. 147 с.
17. Нуриева И.М. Песни завятских удмуртов. Ижевск : Удмурт. ин-т истории, языка и литературы УрО РАН, 1995. Вып 1. 232 с. (Удмуртский фольклор).
18. Песни удмуртов Бавлинского района Республики Татарстан / сост. И.М. Нуриева, А.П. Кузнецова, П.А. Александров. Казань, 2018. 124 с.
19. Гаврилов Б.Г. Поверья, обряды и обычаи вотяков Мамадышского уезда, Урьясь-учинского прихода // Труды четвертого археологического съезда в России. Казань : Типография Императорского университета, 1891. Т. 2. С. 80–156.
20. Верецагин Г.Е. Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии. Ижевск : Удмурт. ин-т истории, языка и литературы УрО РАН, 1996. 204 с. (Памятники культуры).

Irina M. Nurieva, Udmurt Institute of History, Language and Literature, Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of Russian Academy of Sciences (Izhevsk, Russian Federation). E-mail: nurieva-59@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedeniye – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 2021, 43, pp. 214–221.

DOI: 10.17223/22220836/43/17

GESTURE IN THE UDMURTS SONG CULTURE: FUNCTIONS AND SEMANTICS

Keywords: Udmurt song tradition; non-verbal cultural language; spatial behavior; gesture.

The problems of non-verbal behavior remain in the shadow of the modern ethnomusicology so far. Meanwhile, spatial behavior of singers, the poses and gestures used by them during the singing are language of culture, not less informative, than musical and verbal language, but at the same time more emotional, expressive and available.

Gesture as body language is usually associated with the movement of the arm, palm, head, shoulders, legs. In the present study, we operate with the broader meaning of the word “gesture” as a behavior (from Lat. Gestura). The spatial behavior of performers during the ceremony, the generally accepted postures and gestures as non-verbal language of culture are discussed in the article on the material of the Udmurt ritual song tradition.

The forest landscape influences the behavioral, as well as linguistic, religious, sound picture of the world of the Finno-Ugrians. The connection between the natural geographic environment and the “mental warehouse” of the Udmurts was observed by ethnographers as early as the end of the 19th century; they noted restraint in expressing impressions, silence, extraordinary shyness and the boundless ability of Udmurts to endure. The same is noted by modern scientists. In speech communication, for example, there is an unspoken rule not to express loudly and openly your emotions; it is not customary to actively gesticulate, to speak loudly. The findings of scientists suggest that the Udmurt communicative culture belongs to the low-kinesic.

The stereotypes about the modesty and timidity of the Udmurts collapse when analyzing the Udmurt rituals, in which the idea of producing magic dominates to extend the genus or future harvest. Many behavioral prohibitions are not only lifted; moreover, obscene gestures, indecent behavior are becoming a necessary condition for rituals. Singers can stomp their feet heavily, beat the rhythm with loud beats of iron objects, sing while standing on chairs.

In other local traditions, the magic of production can be embodied in the body language of singers in slow rocking, round dances. The key moment of the spatial behavior of the singing participants of these rites is a side-to-side movement as a symbol of the growth of cereal crops.

Ritual gestures of a handshake, bowing of the knees as communicative gestures are considered in the article. Other gestures of singers (alternating between the left and right foot subhumps, putting the palm to the mouth while singing) are designed to enhance the expressiveness of the musical rhythm or create a special sound effect. It is concluded that the song ritual communication of the Udmurts, in contrast to everyday verbal communication, is characterized by a higher level of emotionality, which is reflected in body language.

References

1. Alarus. (n.d.) *Russko-latinskiy slovar'* [Russian-Latin dictionary]. [Online] Available from: <http://glossary-of-terms.ru/?do=t&v=180348> (Accessed: 29th April 2019).
2. Hajdu, P. (1985) *Ural'skie yazyki i narody* [Uralic languages and peoples]. Translated from Hungarian by E. Helimskij. Moscow: Progress.
3. Smirnov, I.N. (1890) *Votyaki: Istoriko-etnograficheskiy ocherk* [Votyaks: Historical and Ethnographic Essay]. Kazan: Imperial University.
4. Gumilev, L.N. (n.d.) *Ritmy Evrazii* [Rhythms of Eurasia]. [Online] Available from: <http://www.kulichki.com/~gumilev/articles/Article05.htm/> (Accessed: 15th March 2011).
5. Vereshchagin, G.E. (1995) *Votyaki Sosnovskogo kray* [Votyaki of the Sosnovsky Territory]. Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.
6. Shklyaev, G. K. (ed.) (1992) *Traditsionnoe povedenie i obshchenie udmurto* [Traditional behavior and communication of the Udmurts]. Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.
7. Shklyaev, G.K. (ed.) (1998) *Ob etnicheskoy psikhologii udmurtov* [On the ethnic psychology of the Udmurts]. Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

8. Shklyayev, G.K. (2003) *Ocherki etnicheskoj psikhologii udmurtov* [Essays on the ethnic psychology of the Udmurts]. Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.
9. Nurieva, I.M. (2008) Obryadovoe penie udmurtov: zhest i tembr [The ceremonial song of the Udmurts: gesture and timbre]. In: *Instrumental'naya muzyka v mezhhkul'turnom prostranstve: problemy artikul'yatsii* [Instrumental music in the intercultural space: the problems of articulation]. St. Petersburg: Asterion. pp. 201–204.
10. Dushenkova, T.R. (2012) Verbal'nye stereotipy povedeniya i kommunikatsii udmurtov: kallen i marym [Verbal stereotypes of behavior and communication of Udmurts: Kallen and Marim]. In: Kel'makov, V.K. (ed.) *Permistika – 14: Dialekty i istoriya permskikh yazykov vo vzaimodeystvii s drugimi yazykami* [Permistics – 14: Dialects and the history of the Permian languages in interaction with other languages]. Kudymkar: [s.n.]. pp. 28–33.
11. Dushenkova, T.R. (2015) Ponyatiya skrytnost', zamknutost', podozritel'nost' v udmurtskom kharaktere [The concepts of secrecy, isolation, suspicion in the Udmurt character]. In: *Traditsionnaya kul'tura narodov Povolzh'ya* [Traditional culture of the peoples of the Volga region]. Kazan: Ikhl'as. pp. 223–229.
12. Dushenkova, T.R. (2014) Ponyatie kerpoton kak regul'yator povedeniya udmurtov (lingvokul'turologicheskiy analiz) [The concept of kerpoton as a regulator of the behavior of Udmurts (linguoculturological analysis)]. In: *Aktual'nye problemy udmurtovedeniya v kontekste komparativistiki, kontaktologii i tipologii yazykov* [Topical problems of Udmurt studies in the context of comparativistics, contactology and typology of languages]. Izhevsk: Udmurt University. pp. 217–223.
13. Pozdeeva, I.P., Trofimova, E.Ya. & Troyanov, V.I. (1992) Natsional'no-kul'turnaya spetsifika postulatov rechevogo obshcheniya udmurtov [National-cultural specificity of the postulates of Udmurts verbal communication]. In: Shklyayev, G.K. et al. *Traditsionnoe povedenie i obshchenie udmurtov* [Traditional behavior and communication of Udmurts]. Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. pp. 171–182.
14. Boykova, E.B. & Vlad'ykina, T.G. (1992) *Pesni yuzhnykh udmurtov* [Songs of the Southern Udmurts]. Vol. 1. Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.
15. Churakova, R.A. (1999) *Pesni yuzhnykh udmurtov* [Songs of the Southern Udmurts]. Vol. 2. Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.
16. Churakova, R.A. (1986) *Udmurtskie svadebnye pesni* [Udmurt wedding songs]. Ustinov: Udmurtiya.
17. Nurieva, I.M. (1995) *Pesni zavyatskikh udmurtov* [Songs of TransVyatka Udmurts]. Vol. 1. Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.
18. Nurieva, I.M., Kuznetsova, A.P. & Aleksandrov, P.A. (2018) *Pesni udmurtov Bavlinskogo rayona Respubliki Tatarstan* [Songs of the Udmurts of the Bavlinsky District, the Republic of Tatarstan]. Kazan: [s.n.].
19. Gavrilov, B.G. (1891) Pover'ya, obryady i obychai votyakov Mamadyshskogo uezda, Uryas'-uchinskogo prikhoda [Beliefs, rituals and customs of Votyaks of Mamadysh district, Uryas-Uchinsky parish]. *Trudy chetvertogo arkhologicheskogo s"ezda v Rossii*. 2. pp. 80–156.
20. Vereshchagin, G.E. (1996) *Votyaki Sarapul'skogo uezda Vyatskoy gubernii* [Votyaks of Sarapul County of Vyatka Province]. Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.